

*Г.Ю. Карпенко
(Самара)*

«ФИЗИКА» И МЕТАФИЗИКА ЛИТЕРАТУРНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ С.Н. ДУРЫЛИНА «В РОДНОМ УГЛУ»

***Аннотация:** в статье рассматриваются особенности сопряжения «физического» и «метафизического» в пространстве литературных воспоминаний С.Н. Дурылина «В родном углу», вскрывается теоантропный и иерархически центрированный принцип такого сопряжения.*

***Ключевые слова:** воспоминание, метафизическое, временное, вечное, теологическое, антропологическое, родное.*

Мир литературных воспоминаний С.Н. Дурылина «В родном углу» теоантропен, иерархически центрирован. Это «обстоятельство» – живое присутствие-участие Господа в делах людей, в сокровенной жизни человека – определяет характер сопряжения «физического» (предметного) и метафизического (сущностного) в пространстве воспоминаний С.Н. Дурылина, выделяет и окрашивает по-особому «московский текст» писателя. Если «московский мир» В.А. Гиляровского, как точно подмечает И.Н. Сухих, «топографически горизонтален» [Сухих 2004: 233], если в «горизонте» жизни пребывают и москвичи М.А. Булгакова, которых «испортил квартирный вопрос», если С.Д. Кржижановский, почти биографический автор, «пытается... опытным путем исследовать суть феномена Москвы» [Топоров 1995: 480], или, говоря словами самого писателя, по «развернутому плану Москвы», «шагая из переулка в переулоч», дойти «до смысла Москвы», то С.Н. Дурылин никуда не спешит: ему не нужно пользоваться, чтобы выразить смыслы Москвы, методами топографического расширения (В.А. Гиляровский), геометрического наложения (С.Д. Кржижановский) или приемами разоблачения «обытовленного» москвича (М.А. Булгаков). С.Н. Дурылин автохтонно, почвенно свидетельствует о ценностях «родного угла». Свидетельствование – это другой уровень письма. Это даже не письмо, а выраженное в слове душевно-духовное самостояние и предстояние, форма исповедания.

Если «привозные москвичи» находятся в поисках какого-то своего угла и подходящего места, то С.Н. Дурылин рожден в «родном углу», хранит и оберегает его. Отсюда – из этих различий – очевидны, заметны разные предпосылочные установки, связанные

с 1) осмыслением-освещением пространства извне и 2) изнутри. В одном случае писатели вольно или невольно раскрывают-показывают, что между «местом» (пространством) и человеком имеется душевно-смысловой разрыв, что нужно время для налаживания, упорядочивания отношений между «местом» и человеком; и оно (время) становится значимым, процессуально организующим «фактором» пространства. Воспоминания С.Н. Дурылина открывают нам другой опыт: человек телесно-душевно-духовно ограничен, соразмерен пространству, он (в «своем углу») находится в месте пребывания, где время (естественно в соработничестве с человеком) уже выполнило свою ценностно упорядочивающую функцию, и он живет-пребывает в пространстве вечности. Символом освящения такого «вечного» пространства, пребывания-жизни-предстояния человека в «родном углу» является икона (об этом см. ниже). С другой стороны, потенциальным (и как знаем – противоположным) символом искомого пространства может быть «черный квадрат»: человек во времени так сработал, так «упорядочил-украсил» свой обретенный «угол».

О символике, мифологеме «угла» в связи с творчеством С.Н. Дурылина убедительно и контекстуально основательно писала И.А. Едошина [см.: Едошина 2010: 299-329].

Не случайно в воспоминаниях С.Н. Дурылина, большая часть которых написана в тревожные и трагические годы отечественной истории (голод, репрессии, Великая Отечественная война), нет явной повествовательной привязки (биграфической, публицистической, идеологической, патриотической) к историческому времени, к «сегодняшнему дню», – такой, какую, например, мы встречаем в воспоминаниях Н.М. Любимова [см.: Любимов 2000]. Писатель «держит» свои воспоминания в рамках духовного, вечного: следы «сегодняшнего дня», времени написания не актуализируются, не прорисовываются в литературных воспоминаниях, а погружаются в почву и атмосферу метафизического. Так, в сентябре 1942 года С.Н. Дурылин о варварском нашествии немцев пишет почти метафорически и в широком контексте обобщений: *«Но вот пришла «пора осенней непогоды»... Сколько злых сил враждует на свете с былым... Разрушители всех званий и типов – вплоть до немцев, сбрасывающих бомбы на музеи и архивы, – стремились и стремятся лишить отдельных людей и целые народы их воспоминаний»* [Дурылин 2014: 13]. Так, и о волнах голода в Советском Союзе С.Н. Дурылин ничего не пишет, но вдруг «подтекстовые следы» страшного бедствия проступают в литературных воспоминаниях

писателя, когда он в главе «О хлебе насущном» лейтмотивно ставит вопрос, можно ли было в царской России, в Москве «дойти до голодной смерти»: «В самый разгар 1905 года я поставил себе вопрос: «Можно ли в Москве умереть с голоду?» [Дурылин 2014: 47]. Исследуя «насущенный» вопрос, С.Н. Дурылин приходит к заключению: «*В Москве нельзя было умереть с голоду...*» [Дурылин 2014: 52], – и возводит данный факт до метафизического обобщения: «Насущен» человеку не один хлеб – насущен ему кров, насушно ему тепло и одеяние, может быть, насущна человеку и книга, – но в молитве, данной Христом, заповедано просить об одном: Хлеб наш насущный даждь нам днесь» [Дурылин 2014: 52]. Как видим, отсылка к голодным лихолетьям едва угадывается: она косвенная, скрытая, потенциальная, – возникает как возможность сопоставления «века нынешнего и века минувшего».

Для С.Н. Дурылина такое «невнимание» к знакам и событиям советской эпохи было принципиальной мировоззренческой установкой. Вот, скажем, В.А. Гиляровский, выпуская свои очерки о старой Москве, не мог обойтись без «советского пафоса»: «*Москва вводится в план. Но чтобы создать новую Москву на месте старой... нужны особые, невиданные доселе силы... Это стало возможно только в стране, где Советская власть. Москва уже на пути к тому, чтобы сделаться первым городом мира. Это на наших глазах*» [Гиляровский 1999: 5]. С.Н. Дурылин от подобного рода пафосности и очерковости дистанцируется. Хотя писатель и признавал возможность давать в произведениях «инвентарь, опись прошлого»: «*Правда верных очерков поверхности страны, ее растительности, населения и т.д., конечно, полезная и нужная*» [Дурылин 2014: 11], – но считал это первичной и малой задачей. Цель С.Н. Дурылина другая: передать в описании физического мира присутствие метафизического, в описании реального присутствие реальнейшего. В этом плане его творческая установка сродни бунинской. И.А. Бунин в стихотворении «Ещё и холоден и сыр...» (1901) раскрывает свое поэтическое кредо: «*Нет, не пейзаж влечёт меня, / Не краски жадный взор подметит, / А то, что в этих красках светит: / Любовь и радость бытия*» [Бунин 1965: 142].

Подобную творческую задачу ставит перед собой и С.Н. Дурылин: не только воспроизвести физические подробности мира, но и передать его метафизическое наполнение, – «всё это атмосферическое, подлинно живое» [Дурылин 2014: 12]. Высшая «воспоминательная» цель писателя – воплотить в слове душу, дыхание, просветленную тихость, животворящий дух и святость «родного мира».

Примечательно, что проблему воспоминания С.Н. Дурылин рассматривает трехаспектно — как социальную, как антропологическую и как теологическую. На уровне социального времени и социальных сил мир погружен в процесс забвения: не только «река времен», но и «разрушители всех мастей... стремятся лишить отдельных людей и целые народы их воспоминаний» [Дурылин 2014: 13]: *«Казнь забвением — самая страшная из казней, постигающих человека...»* [Дурылин 2014: 16]. Но для С.Н. Дурылина существеннее иное понимание памяти. Память писатель осмысливает как неотчуждаемое антропологическое свойство, обеспечивающее меняющемуся во времени человеку, «единство его сознания от рождения до смерти» [Дурылин 2014: 15].

Более того, рассматривая антропологический аспект памяти, С.Н. Дурылин выходит на метафизический и даже на онтологический уровни. Писатель приводит пример чтения в отрочестве лермонтовского «Ангела»: *«Меня уже нет на свете как младенца... как отрока, впервые читающего Лермонтова... но я, старик, одновременно помню себя и этим ребенком... и этим отроком... я помню себя в этом ребенке, отроке, юноше и ощущаю их небытие вовне (ибо их нет в раздельности, во временном порядке их явления на земле) как действительное бытие во мне самом, в единстве моей личности, в неразложимости единого моего «я есмь»* [Дурылин 2014: 15].

В этом своем свойстве — удерживать в человеке духовно единое — память становится родной сестрой вечности и бессмертия, сородственна вечности и бессмертию. Поэтому в понимании С.Н. Дурылина она как антропологична, так и теологична. Памятование — это свойство не только человека, но и предвечное свойство Господа: «Недаром Церковь, опуская человека в землю, молит о памятовании его: «И сотвори ему вечную память», — молит о нескончаемом бытии человека в нескончаемой памяти Божией. Это вечносияющая память, победительница времени с его темнотою забвения, признается Церковью одним из высочайших свойств Божиих» [Дурылин 2014: 16].

В целом проблема памяти решается С.Н. Дурылиным как процесс преодоления забвения и восхождения в человеческом воспоминании до «Животворящей Памяти» Божией. Отсюда — из сложного трехчастного понимания писателем проблемы памяти — рождается феномен литературного воспоминания «В родном углу»: С.Н. Дурылин передает не только то, что им помнится как высшая ценность, но и то, что «Господом помнится».

Мир воспоминаний С.Н. Дурылина, как уже отмечалось, иерархически центрирован: в малом или большом пространстве есть духовный центр, вокруг которого строится жизнь, который и является «жизни подателем». В малом семейном пространстве дома есть свой «центр»: *«У него был настоящий Хозяин... большой старинный образ Спаса Нерукотворного... Здесь, перед старинным Спасом, приходское духовенство славило Христа в Рождество, пело «Христос Воскресе» в Светлый праздник... Здесь крестили... Здесь, под Нерукотворным образом, благославляли образами сестер, выдаваемых замуж... Этот Спас прибыл с отцом из родной Калуги – в нем была связь семьи с родом, с родным городом, с «прежде почившими отцами и братьями»* [Дурылин 2014: 60].

Описание-воспоминание духовного пространства дома семьи, «родного угла» С.Н. Дурылина поражает своей «именной» точностью. Писатель называет имя каждой святой «вещи»: икон Спаса Вседержителя, Христа на тайной вечери, Иверской Богоматери, Казанской Богородицы, архангела Михаила, Трех святителей, Николы Чудотворца, Дванадцати праздников и т.д. [см.: Дурылин 2014: 64–65]. С ними связана не только история семьи, но и тысячелетняя история русской земли, «чужестранного православного Востока и Юга» [Дурылин 2014: 64–65]. Таким образом икона, как и другие святые «вещи», являлись духовными «окнами» в большой мир истории и культуры, и человек становился носителем духовно-сердечного знания о нем. *«Когда я, еще ребенком, – вспоминает С.Н. Дурылин, – читал и повторял наизусть «Ветку Палестины»... мне не нужно было никаких объяснений: все это было перед моими глазами в маминной комнате, перед всем этим я молился с чистой детской верой, с теплым упованием и светлой любовью. «Луч лампы...» Как знаком он был мне с первых дней младенчества! Он встречал нас в каждой комнате обширного отчего дома: всюду сиял он – золотой, синий, алый, зеленый – высоко, в переднем углу»* [Дурылин 2014: 65].

В воспоминаниях С.Н. Дурылина речь идет об особом восприятии национальной культуры, о переживании ее как своего родового духовного достояния, со временем утрачиваемого в «знании» нового поколения. Чтобы понять особость такого переживания-знания культуры, необходимо обратиться к воспоминаниям писателя о том, как учили новое поколение в гимназии, с какими настроениями оно вступало в жизнь. Пройдя казенную школу, вновь нарождающаяся русская интеллигенция уже не знала *«ни Эллады, ни Пушкина, – или, что то же: ни Христа, ни хрис-*

тианства» [Дурылин 2014: 336]. Усеченное знание, по словам С.Н. Дурылина, стало «жребием русской интеллигенции» и привело к «роковым последствиям» [Дурылин 2014: 336].

О роковом отпадении русского человека от «тайны исторического» писал в свое время и Н.А. Бердяев: Россия начинает шагать по беспутью, человек перестал пребывать в «органически целостной эпохе» [Бердяев 1990: 6]. Большое пространство «родного угла» С.Н. Дурылина тоже было иерархически центрировано. Таким пространством являлся район «у Богоявления, что в Елохове. Этим не только назывался церковный приход, к которому мы принадлежали: церковь, где нас крестили, венчали и отпевали, — этим указывалась живая связь нашей местности с историческими судьбами Москвы» [Дурылин 2014: 17].

Вполне очевидно, что средоточием малого и большого пространства, его духовным центром был и сам «вспоминаемый» С.Н. Дурылиным человек: мать, отец, бабушка, няня, кормилицы. Они несли-таили в «тихости» своей жизни силу заботливого служения ближнему, — силу, черпаемую в вечном служении Христа человечеству. Так, только после смерти отца С.Н. Дурылин узнал о его помощи другим людям и приходам: «Все жертвы его были тайные — иных он не признавал и никаких «честей» за них себе не желал» [Дурылин 2014: 151]. Духовную стойкость отца С.Н. Дурылин описывает, раскрывая историю его жизни, историю превращения богатого купца в умирающего нищего, словно повторяющего путь Иова: «Похули Бога и умри» — этого совета, данного многострадальному Иову, отец не принял, хотя не раз слышал его в конце жизни от мнимых сострадателей. Он не похулил ни Бога, наделившего его многими скорбями за долгую жизнь, ни людей, причинивших ему немало тяжких обид и страданий. Он умирал в глубокой вере в правосудие Божие и в уповании на его милосердие. Кончина отца была мирна и тиха. «*Мир мног любящим Закон Твой, Господи, и несть им соблазна*». Это сбылось над отцом в полной мере и правде» [Дурылин 2014: 179].

Воспоминание С.Н. Дурылина о матери — это сердечно-трепетное повествование о том, как Благодать пребывает в человеке, как любовью к ближнему, служением человеку мать спасает и спасается. В истории ее подвижнической жизни примечателен эпизод, имеющий прямое отношение к биографии писателя. С.Н. Дурылин откровенно рассказывает о своих модных увлечениях, о том, что он бросил учебу, увлекся «разрушителями ее и моей веры», доходил до предпоследнего мгновения, когда «сжимал... не раз уже

курок револьвера» [Дурылин 2014: 135]. И дальше, раскрывая «тайну онтологического», С.Н. Дурылин делится откровением: «Кто-то невидимый не давал мне спустить курок. Теперь я знаю, кто был невидимый: мать... Я начал реставрировать себя, — по тому фундаменту, который был заложен ее руками, по тому чертежу строения, который был начертан ею еще над моей детской постелькой» [Дурылин 2014: 136]. Источником ее тихой заботы и надежды на духовное выздоровление сына была вера в «смысла подателя», к которому она обращалась с молитвой: «Вразуми. Обрати. Настави» [Дурылин 2014: 135]. И когда духовно выздоровевший сын повез мать в Оптину пустынь, то там «случайно и тайком» услышал он «ее горячие, слезные слова благодарности Тому же, Кого просила она быть «смысла подателем» [Дурылин 2014: 137].

Приведенных свидетельских примеров-воспоминаний достаточно, чтобы понять логику сопряжения физического и метафизического в литературных воспоминаниях С.Н. Дурылина. Ее можно определить отталкиваясь от отрицательного опыта переживания московского пространства, которым делится С.Д. Кржижановский: «И вскоре люди... научились жить хоть и по соседству с крестом, но мимо него» [Кржижановский 1989: 47]. С.Н. Дурылин воссоздает «физику» прошлого посредством метафизического: «метафизика» (крест) являются для него «магическим кристаллом», сквозь который он видит, воспринимает и оценивает физически реальное и показывает, как в физически реальном пребывает реальнейшее, онтологически неубывающее. С этой точки зрения С.Н. Дурылин исполняет высшее предназначение творчества, цель которого, по суждению Иоанна Сан-Францисского, евхаристическая [Иоанн Сан-Францисский 1992: 525].

Список литературы

1. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Избранное. Петрозаводск: Святой Остров (Фонд культуры Карелии), 1992. 599 с.
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.
3. Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1965-1967. Т. 1. 596 с.
4. Гиляровский В.А. Собр. соч.: В 4 т. М.: Полиграфресурсы, 1999. Т.4. 432 с.
5. Дурылин С.Н. Собр. соч.: В 3 т. М., 2014. Т. 1. 544 с.
6. Едошина И. А. Мифологема «угла»: тексты С. Н. Дурылина в пространстве русской культуры начала XX века // Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Книга I:

Исследования. (Серия: «Исследования по истории русской мысли». Том 14). М.: Модест Колеров, 2010. 512 с.

7. Кржижановский С.Д. Воспоминания о будущем: Избранное из неизданного. / М.: Московский рабочий, 1989. 463 с.

8. Любимов Н.М. Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний. Том 1. М.: Языки русской культуры, 2000, 411 с.

9. Сухих И.Н. «Московский текст» бродяги Гиляя (1926-1935. «Москва и москвичи») // Звезда. 2004. № 4. С. 222-233.

10. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс; Культура, 1995. 623 с.

G.Y. Karpenko
(Samara)

«PHYSICS» AND METAPHYSICS of the LITERARY MEMOIRS of S.N.DURYLIN «NATIVE CORNER»

Abstract: the article deals with features pair of «physical» and «metaphysical» in the space of the literary memoirs of S.N. Durylin «Native corner», opened eoanthropus and hierarchically centered, the principle of such a pairing.

Keywords: memory, metaphysical, temporal, eternal, theological, anthropological, native.

М.А. Перепелкин
(Сама́ра)

«И Т.П.» («МОЯ МАЛЕНЬКАЯ ЛЕНИНИАНА» ВЕН. ЕРОФЕЕВА)

Аннотация: в статье рассматривается небольшой текст, написанный Венедиктом Ерофеевым в конце 1980-х гг. и представляющий собой «выбранные места из частной и деловой переписки Ленина». Высказывания Ленина и его корреспондентов обозначают контуры крошечного мира антиценностей и расчеловечения.

Ключевые слова: Ленин, Крупская, Инесса Арманд, антими́р, расчеловечение, Гоголь, христианские ценности.

«Моя маленькая лениниана» — текст, написанный Вен. Ерофеевым для журнала «Континент»; датирован 5-6 февраля 1988 года. Стоит напомнить, что солженицынский «Архипелаг», положивший — среди прочего — начало процессу деленинизации в СССР,